

В. В. Намнясева

ЛАТЕНТНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ИНТЕРЕСЫ ПРАВОСУДИЯ

В статье анализируется реальное состояние негативного воздействия на интересы правосудия. На основе проведенных социологических исследований делается вывод о повышенном уровне латентности ряда преступлений против правосудия. Отсутствие практики применения норм, регламентирующих уголовную ответственность за данные преступления, неблагоприятно сказывается на эффективности охраны интересов правосудия. Автором рассматриваются причины и условия, которыми обусловлен высокий уровень латентности данных преступлений. Латентность преступлений определяет уверенность виновных в своей безнаказанности, которая, в свою очередь, справедливо считается одним из основных криминогенных факторов, способствующих совершению новых преступлений, посягающих на интересы правосудия.

В ходе анализа уголовного законодательства России и правоприменительной практики автором выявлен ряд существующих проблем, предложены возможные варианты их решения.

Ключевые слова: преступления против правосудия, латентность, эффективность уголовно-правовой охраны, безнаказанность, криминогенные факторы.

V. V. Namnyaseva

LATENT CRIME IN THE SPHERE RELATED TO ENCROACHMENT OF THE INTERESTS OF JUSTICE

Real position of the negative impact on the interests of justice is analyzed in the given article. On the basis of the sociological research, the author makes a conclusion related to the increased level of latent state of a number of crimes against justice. The absence of practice to apply rules of law to impose criminal responsibility for these crimes commission affects the effectiveness of the protection of interests of justice in a negative way. The author examines the causes and conditions that determine the high level of latent nature of the analyzed crimes. Latent nature of such crimes gives the involved (and responsible for their commission) persons an opportunity to consider their impunity. For its part the latter is believed to be one of the main factors of criminality to contribute to new crimes commission related to encroachment on the interests of justice.

The author identifies a number of topical problems and offers possible variants to solve them, while analyzing criminal legislation in Russia and law enforcement practice.

Key words: crimes against justice, latent nature, efficiency of criminal law protection, encroachment, factors of criminality.

Общество и государство всегда заботились об охране судебной власти. В уголовном законодательстве всех стран присутствуют нормы, обеспечивающие охрану интересов правосудия. К сожалению, на современном этапе можно констатировать снижающийся авторитет судебных и правоохранительных органов. Обращение граждан для восстановления и защиты своих законных прав и интересов не в судебные органы, а в различного рода организации (от легальных до откровенно криминальных), «решающих все проблемы», дача ложных показаний, отказы от дачи показаний, ложные доносы, угрозы и насилие в отношении участников судопроизводства стали достаточно распространенными явлениями.

Основными критериями оценки гражданами качества национального уголовного законодательства являются результативность и эффективность его применения, о которых они в первую очередь могут судить, будучи вовлеченными в процесс судопроизводства в качестве его участников. Результаты проведенных различными учеными социологических исследований свидетельствуют о том, что более 70 % опрошенных полагают, что современный российский суд не объективен, рассчитывать на достижение справедливости не стоит, и «все дело в цене». Теневая юстиция и правовой нигилизм, неверие граждан в собственную защищенность, эффективность уголовно-правовой охраны их прав и интересов, справедливое правосудие — все эти явления становятся все более масштабными. Речь идет о проблеме на государственном уровне. Не последнюю роль в негативном влиянии на авторитет государства в сфере защиты прав и законных интересов граждан и обеспечения их безопасности играет наличие латентной преступности (в том числе в сфере

посягательств на интересы правосудия), сам факт существования которой нарушает принципы справедливости, равенства граждан перед законом, неотвратимости уголовной ответственности лица, совершившего преступление. По замечанию Р. М. Акутаева, проблема латентной преступности является «центральной криминологической проблемой современности, решение которой во многом имеет определяющее значение для обеспечения безопасности граждан, защищенности их прав и свобод от преступных посягательств» [1, с. 17].

Конечно, латентная преступность — неизбежная часть самой преступности. На современном этапе развития общества это явление свойственно всем государствам. В соответствии с исследованиями как отечественных, так и зарубежных криминологов показатели латентной преступности как минимум в два раза превышают количество официально зарегистрированных преступлений. Как справедливо указывал В. В. Лунеев, фактическая преступность намного превышает известную правоохранительным органам, а последняя — ту ее часть, которая официально регистрируется [2, с. 280]. Л. В. Савюк удачно сравнил реальную, объективно существующую преступность с айсбергом, видимая, надводная часть которого представляет собой зарегистрированную (легальную) преступность, а невидимая, подводная часть (значительно превышающая первую) — преступность латентную [3, с. 334].

Удельный вес латентной преступности зависит от множества факторов, к которым в первую очередь относятся уровень развития государства и общества, его политическое и экономическое благополучие, особенности уголовной политики, качество законодательства в сфере противодействия

преступности, эффективность его применения, состояние правопорядка в целом. Конкретные причины, обуславливающие существование латентной преступности, специфичны применительно к различным ее видам. Существуют множество классификаций латентной преступности, но наиболее признанным в криминологической доктрине считается ее деление на естественную (скрытую), искусственную (скрываемую) и пограничную.

Естественная (скрытая) латентная преступность характеризуется тем, что у официальных государственных органов отсутствует информация о преступлении. Такое отсутствие информации может быть обусловлено:

— либо ее несообщением потерпевшим или иными лицами, которым известно о преступлении, в силу различных причин: нежелания огласки (например, при совершении преступлений против половой свободы или половой неприкосновенности); опасения за свою безопасность или безопасность своих близких вследствие угроз со стороны преступника или связанных с ним лиц; неведения в неизбежность наказания лиц, совершивших преступление; незначительности ущерба, причиненного преступлением; нежелания тратить время на участие в предварительном расследовании и судебном разбирательстве; наличия родственных, дружеских связей, служебной, материальной или иной зависимости между потерпевшим или свидетелем и лицом, совершившим преступление; противоправного или аморального поведения самого потерпевшего (например, похищенное имущество было получено потерпевшим преступным путем) и т. п.;

— либо завуалированным характером совершенного преступления, при котором затруднено установление самого факта его наличия (например, хищения с использованием служебного положения, взяточничества — создание специальной системы защиты себя от обнаружения и разоблачения и т. п.).

Искусственная (скрываемая) латентная преступность связана с сознательным

сокрытием от регистрации сотрудниками правоохранительных органов известного им факта совершения преступления. Такое сокрытие может быть обусловлено различными причинами: стремлением улучшить показатели (в первую очередь процент раскрываемости преступлений), нежеланием осуществлять работу по трудно раскрываемым преступлениям, коррупционными правонарушениями и т. д.

Пограничная латентная преступность имеет место тогда, когда факту совершения преступления дана ошибочная правовая оценка: преступление зарегистрировано как административное или гражданское правонарушение либо как преступление, но посягающее на иной объект уголовно-правовой охраны. Причины пограничной латентной преступности могут носить как объективный, так и субъективный характер (несовершенство законодательства, отсутствие должной компетентности сотрудников правоохранительных органов и т. п.).

Без учета латентной преступности нельзя определить уровень реальной преступности и, следовательно, дать обоснованную оценку и прогноз ситуации, которые определяют выбор стратегии и тактики противодействия преступности. Ссылаясь на данные ВНИИ МВД России, В. В. Лунеев приходит к выводу о том, что в Российской Федерации регистрируемая преступность составляет около 10—12 % от реальной [2, с. 283]. Проводя сравнительный анализ латентной преступности в России и зарубежных странах, В. Е. Квашиш отмечает, что «в странах, экономически наиболее благополучных, с более высоким уровнем доходов населения, показатели зарегистрированной преступности, как правило, значительно выше, а там, где борьба ведется не столько с преступностью, сколько со статистикой, ниже» [4, с. 90].

Латентная преступность влечет серьезные негативные последствия. Ее можно рассматривать в качестве криминогенного фактора, обуславливающего увеличение преступности, ее воспроизводство. Наличие латентной преступности создает обстановку

безнаказанности лиц, совершивших преступления, которая справедливо считается одним из основных криминогенных факторов. Высокий уровень латентности преступлений против правосудия обуславливает уверенность виновных в своей безнаказанности, которая, в свою очередь, способствует совершению новых преступлений, посягающих на интересы правосудия. Так, лица, оказавшие противоправное воздействие на участников судопроизводства и избежавшие наказания, могут повторить подобные действия. Более того, повышается вероятность совершения ими нового преступления при осознании возможности заставить потерпевшего или свидетеля дать ложные показания или отказаться от дачи показаний. Сказанное наглядно иллюстрируется следующим примером.

Ветров, будучи в состоянии алкогольного опьянения, в ходе ссоры со своей несовершеннолетней сожительницей Ф., нанес ей рукой удар по голове, от которого она упала и ударилась головой о твердый предмет, в результате чего ей были причинены телесные повреждения в виде закрытой черепно-мозговой травмы, от которых наступила смерть Ф. на месте происшествия. На предложение Л. и М. вызвать «скорую помощь» и сообщить в милицию Ветров во избежание уголовной ответственности стал высказывать в их адрес угрозы убийством, заявляя, что с ними будет то же самое, что и с Ф., если они сообщат достоверные факты о совершенном им преступлении в правоохранительные органы. У Л. и М. имелись достаточные основания опасаться осуществления этих угроз, в связи с чем при первоначальных объяснениях в органах милиции они давали заведомо ложные сведения об обстоятельствах смерти Ф. После этого Ветров в целях сокрытия совершенного им преступления вынес труп Ф. во двор дома, положил его на скамейку, а рядом поставил бутылки со спиртными напитками, инсценировав несчастный случай.

Через два года после указанных событий Ветров вновь совершил ряд преступлений, в том числе убийство, предусмотренное п. «ж» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской

Федерации (далее — УК РФ), за что и был задержан и привлечен к уголовной ответственности. В ходе предварительного расследования были выяснены и обстоятельства прежних преступлений, и Ветров был осужден по ст. 105 ч. 2 п. «ж» УК РФ к 12 годам лишения свободы, по ст. 109 ч. 1 УК РФ — к 2 годам лишения свободы, по ст. 119 УК РФ — к 1 году лишения свободы, по ст. 158 ч. 2 пп. «а», «б», «в», «г» УК РФ — к 3 годам лишения свободы.

Однако Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного Ветрова на приговор Орловского областного суда, установил, что приговор в отношении Ветрова вступил в законную силу через 2,5 года после совершения преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 109 и ст. 119 УК РФ. Следует признать, что сроки давности привлечения Ветрова к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 109 и ст. 119 УК РФ истекли до поступления уголовного дела в суд, поэтому приговор в части осуждения Ветрова по ч. 1 ст. 109 и ст. 119 УК РФ подлежит отмене, а производство по делу — прекращению на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с истечением сроков давности уголовного преследования [5].

Таким образом, Ветров, совершив причинение смерти по неосторожности, с помощью угроз убийством принудил очевидцев преступления Л. и М. дать заведомо ложные сведения об обстоятельствах смерти Ф. В результате после совершения указанных преступлений Ветров не был привлечен к уголовной ответственности. Впоследствии он совершил ряд новых преступлений, в том числе убийство при отягчающих обстоятельствах. Но, несмотря на то что истинные обстоятельства причинения им смерти по неосторожности были в итоге установлены, он не понес наказания ни за это преступление, ни за противоправное воздействие на очевидцев преступления в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

При анализе структуры источников безнаказанности выделяют: безнаказанность,

предпосылки которой создаются самим преступником (20 %); безнаказанность, предпосылки которой создаются лицом, пострадавшим от преступления (50 %); безнаказанность, предпосылки которой создаются сотрудниками правоохранительных органов (15 %); безнаказанность, предпосылки которой создаются пассивностью представителей гражданского общества (10 %); безнаказанность иной природы (5 %) [6, с. 706—707].

Наибольший удельный вес в структуре источников безнаказанности имеет поведение лиц, совершивших преступление, и поведение потерпевших. При этом наиболее распространенными вариантами поведения преступника как «творца» собственной безнаказанности наряду с тщательным планированием преступления являются подкуп свидетелей и потерпевших, угрозы в их адрес, устранение свидетелей и потерпевших, подкуп работников правоохранительных органов, сотрудников экспертных учреждений и судей [6, с. 707], т. е. противоправное воздействие на участников процесса. В качестве основных мотивов действий пострадавших от преступления, выступающих источником безнаказанности преступников, называются

страх мести со стороны преступника, неверие в то, что обращение в правоохранительные органы приведет к какому-либо положительному результату, принятие материального вознаграждения [6, с. 708].

Правосудие является одной из приоритетных сфер политико-правовых институтов, гарантией государственности, социальной системы, прав и свобод личности. Невозможно говорить об эффективности судопроизводства при отсутствии гарантий обеспечения безопасности участников процесса, которые смогут исполнить свои процессуальные обязанности должным образом только тогда, когда у них не будет причин опасаться как за собственную безопасность, так и за безопасность своих близких, когда они будут уверены в способности государства защитить их правоохраняемые интересы. Уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за посягательства на интересы правосудия, выступают в качестве одной из составляющих системы гарантий эффективности осуществления правосудия.

В последнее время наметилась тенденция повышения числа зарегистрированных преступлений против правосудия (табл. 1).

Таблица 1

**Сведения о зарегистрированных преступлениях против правосудия
по России в период с 2008 по 2017 гг.**

Зарегистрировано преступлений против правосудия в течение года по России									
2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
12 786	13 192	11 849	11 542	11 786	11 932	12 664	15 565	16 065	17 132

При этом официальные данные не отражают реального состояния негативного воздействия на интересы правосудия. В первую очередь это обусловлено тем, что ряд преступлений против правосудия (в частности, предусмотренных ст. 296, 309,

310, 311 УК РФ) относится к преступлениям повышенной латентности.

Недостоверность данных официальной статистики, отсутствие практики применения норм, регламентирующих уголовную ответственность за данные преступления,

негативно сказываются на эффективности охраны интересов правосудия. В течение последних десяти лет в России по данным официальной статистики ежегодно регистрировалось от 2,16 до 3,58 млн преступлений. При этом возбуждается соответствующее количество уголовных дел, что означает вовлечение в сферу уголовного судопроизводства огромного количества граждан России в качестве потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, экспертов, специалистов и других участников процесса. Даже самые скромные подсчеты свидетельствуют, что эта группа включает в себя примерно десятую часть населения нашей страны. Естественно, интересы данных лиц при производстве предварительного расследования и осуществлении правосудия нуждаются в соответствующей охране (в том числе осуществляемой уголовно-правовыми средствами).

К сожалению, в настоящее время все более распространенными становятся случаи не только уклонения, но и прямого отказа граждан от участия в судопроизводстве. Растет уровень недоверия к правоохранительным органам; участники процесса сомневаются в способности государства защитить их права. Можно выделить несколько основных причин сложившейся ситуации. Во-первых, на добросовестных участников уголовного процесса и их близких оказывается противоправное воздействие со стороны лиц, виновных в совершении преступления, их родственников, друзей и защитников, а предпринимаемых государством мер на данном этапе явно недостаточно, чтобы полностью пресечь или предотвратить это воздействие. Во-вторых, в средствах массовой информации и сети «Интернет» регулярно появляются сообщения о незаконных действиях лиц, осуществляющих предварительное расследование, сотрудников оперативных подразделений, учреждений уголовно-исполнительной системы.

За последние пять лет криминальное воздействие на участников уголовного процесса резко возросло и приобрело угрожающие масштабы, о чем

свидетельствуют как конкретные социологические исследования, так и данные официальной статистики. Вновь наметилась тенденция некоторого повышения числа зарегистрированных преступлений против правосудия. Их количество остается значительным. При этом официальные данные не всегда отражают реальное состояние негативного воздействия на интересы правосудия. Это обусловлено двумя группами факторов.

Во-первых, ряд преступлений против правосудия относится к преступлениям повышенной латентности. В этот перечень попадают преступления, посягающие на безопасность участников судопроизводства, предусмотренные ст. 296, 309, 310, 311 УК РФ. В Российской Федерации за 20 лет (с 1997 по 2016 гг.) минимальный показатель количества зарегистрированных за год преступлений, предусмотренных ст. 296 УК РФ, составил 48 преступлений (2010 г.), а максимальный — 102 преступления (2006 г.). Аналогичные показатели для преступления, предусмотренного ст. 309 УК РФ, составили 159 (2016 г.) и 492 (2006 г.) соответственно. Очевидно, что эти данные не отражают действительного количества совершаемых преступлений. Согласно результатам десятилетних исследований, проводившихся отделом проблем латентной преступности и криминологического прогнозирования НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, преступления, предусмотренные ст. 296 и 309 УК РФ, являются среднелатентными (по мнению ряда ученых в зависимости от степени латентности все преступления подразделяют на низколатентные, среднелатентные и высоколатентные) [6, с. 535, 561, 624]. О повышенном уровне латентности рассматриваемых преступлений свидетельствуют и иные социологические исследования, проведенные как автором, так и другими учеными, в различное время занимавшимися указанной проблемой. Так, в соответствии с данными, полученными при проведении анкетирования следователей и лиц, производящих дознание, 97,8 % респондентов были известны случаи противоправного воздействия на участников уголовного судопроизводства.

Полученные результаты согласуются с данными исследований, проведенных другими авторами по рассматриваемой и смежным проблемам, причем общая картина принципиально не меняется на протяжении длительного периода. Так, в диссертационном исследовании Э. В. Зеренкова отмечается, что, хотя статистические данные о преступлении, предусмотренном ст. 309 УК РФ, не свидетельствуют о его высокой распространенности, в 47,6 % дел о даче ложных показаний выявлены случаи противоправного воздействия на участников процесса в целях их склонения к лжесвидетельству. В соответствии с результатами проведенного этим же автором анкетирования судей, следователей и прокуроров уровень латентности преступления, предусмотренного ст. 309 УК РФ, составляет до 95 % [7, с. 89—91]. О распространенности фактов противоправного воздействия на участников уголовного процесса говорится в работах многих ученых, занимавшихся данной проблемой [8, с. 358—359]; [9]; [10]; [11].

Преступления, предусмотренные ст. 310 и 311 УК РФ, относятся к числу высоколатентных [6, с. 563, 565, 625]. В Российской Федерации на протяжении последних 20 лет (с 1997 по 2016 гг.) минимальный показатель количества зарегистрированных за год преступлений, предусмотренных ст. 310 УК РФ, составил 1 преступление (2002, 2004, 2012, 2015, 2016 гг.), а максимальный — 7 преступлений (1999 г.), что не отражает действительной ситуации. В ходе проведенных автором социологических исследований 67 % опрошенных следователей и дознавателей указали, что встречались в своей практике с разглашением данных предварительного расследования. Что касается разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса, то за анализируемый период на территории Российской Федерации зарегистрировано всего 3 преступления, предусмотренных ст. 311 УК РФ (по одному в 1997, 2006 и 2015 гг.). Почти полное отсутствие практики применения данной нормы нельзя объяснить тем, что рассматриваемое преступление не

совершается. Результаты анкетирования и иных социологических исследований, проведенных как автором, так и другими учеными, анализировавшими данную проблему, свидетельствуют о значительной распространенности этого деяния. При проведении анкетирования лиц, осуществляющих предварительное расследование, было выявлено, что 19,7 % опрошенных сталкивались в своей практике со случаями разглашения сведений о мерах безопасности. Сходные данные были получены и другими авторами. Отсутствие практики применения норм, регламентирующих уголовную ответственность за разглашение данных предварительного расследования и разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного процесса, неблагоприятно сказывается на предупреждении возможного негативного воздействия на участников уголовного судопроизводства, обеспечении их безопасности.

Высокий уровень латентности обусловлен множеством причин. В ряде случаев жертвы принуждения сами не желают обращаться в правоохранительные органы по данному факту, так как опасаются мести со стороны преступников и не верят в то, что силовые ведомства смогут обеспечить эффективную защиту. Но даже в ситуации обращения лиц, на которых было оказано неправомерное воздействие в связи с их участием в уголовном процессе в правоохранительные органы, достаточно часто по результатам проверки принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела либо о его прекращении. В ряде случаев принятое решение обусловлено объективными причинами: в ходе проверки выясняется, что единственным доказательством состава соответствующего преступления являются утверждения лица, которое подверглось противоправному воздействию. Сказанное можно проиллюстрировать анализом материалов уголовного дела, возбужденного по заявлению гражданки Т. Р., которая сообщила, что ее, используя для воздействия подкуп и угрозы, принуждают дать ложные показания по факту совершенного в отношении нее изнасилования. Ранее по

данному факту она обратилась в правоохранительные органы, и в отношении лиц, виновных в изнасиловании — несовершеннолетнего К. В. и 19-летнего К. М., было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ. Перед проведением очной ставки с несовершеннолетним К. В. в ее дом пришел дядя обвиняемого В. К., который начал уговаривать ее забрать заявление, обещая заплатить за это. После ее отказа В. К. перешел к угрозам и сказал, что может так случиться, что ее найдут мертвой; рассказал о том, что у него есть нужные связи и если он кого-нибудь убьет, то ему ничего не будет, так как у него проблемы с психикой. Сказанное потерпевшая восприняла как угрозу убийством. В ходе допроса в качестве подозреваемого В. К. сообщил, что домой к потерпевшей он действительно приезжал, но никаких угроз с его стороны не было, никаких денег за изменение показаний он ей не предлагал, а просто хотел узнать о том, что произошло. Те же показания В. К. дал при проведении очной ставки. В результате уголовное преследование в отношении В. К. было прекращено по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, за непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления, так как не представилось возможным добыть достаточное количество доказательств, необходимых для предъявления В. К. обвинения в совершении преступления, предусмотренного ст. 309 УК РФ [12]. К сожалению, подобные примеры далеко не единичны.

Во-вторых, расхождение официальных статистических данных о количестве совершенных преступлений против правосудия с реальным состоянием негативного воздействия на интересы правосудия обусловлено тем, что значительная часть преступлений, причиняющих вред или создающих угрозу причинения вреда интересам правосудия, квалифицируется как посягательства на другие объекты, в частности, как преступления против личности. Так, по приговору Московского областного суда Розиков и Шарипов признаны виновными в

умышленном убийстве, совершенном группой лиц по предварительному сговору, а Розиков также в угрозе убийством при наличии оснований опасаться осуществления этой угрозы. Преступления совершены при следующих обстоятельствах: Розиков и Шарипов, договорившись между собой на почве возникшей неприязни к Д., совершили его убийство путем удушения. После этого в квартиру Д. зашел А., который увидел там труп Д., а на руках у Розикова и Шарипова были черные перчатки. Розиков при этом угрожал А. убийством, если он сообщит об увиденном в правоохранительные органы, и он при сложившихся обстоятельствах опасался осуществления этой угрозы [13]. Очевидно, что деяние Розикова направлено на причинение вреда интересам правосудия, однако в соответствии с действующим законодательством оно было квалифицировано по ч. 1 ст. 119 УК РФ.

Таким образом, в число решающих факторов, определяющих повышенную латентность рассматриваемых преступлений, в первую очередь следует включить сложности при доказывании и необращение потерпевших в правоохранительные органы. Кроме того, на этот процесс влияют: невысокий уровень профессиональной подготовки правоприменителей, недостатки в регламентации уголовной ответственности за рассматриваемые преступления, отсутствие обобщений судебной практики и четкого понимания правоприменителями содержания признаков составов данных преступлений и еще один фактор. В настоящее время в силу особенностей конструкции соответствующих уголовно-правовых норм угрозы и насильственные действия в отношении очевидцев преступления, высказываемые в связи с их возможным или осуществленным содействием правосудию (с целью воспрепятствовать сообщению в правоохранительные органы о совершенном виновным преступлении или по мотивам мести за уже сделанное сообщение) квалифицируются как преступления против личности, а не против правосудия, что не отражает в полной мере сущности рассматриваемых общественно опасных деяний.

Примечание

*Состояние преступности за 1997—2017 гг. М., 2018.

---

1. Акутаев Р. М. Неюбилейные размышления криминолога о реализации отдельных положений Конституции Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. 2013. № 4. С. 15—17.

2. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 912 с.

3. Савюк Л. В. Правовая статистика. М.: Юрист, 1999. 588 с.

4. Квашиш В. Е. Сравнительный анализ латентной преступности в России и зарубежных странах: проблемы и перспективы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 5. С. 89—93.

5. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2010 г. № 222П10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: моногр. / под ред. С. М. Иншакова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. 839 с.

7. Зеренков Э. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты подкупа и принуждения к лжесвидетельству и уклонению от дачи показаний: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь: Ставрополь. гос. ун-т, 1999. 157 с.

8. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. 491 с.

9. Имамутдинов А. Ф. Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2010. 242 с.

---

1. Akutaev R. M. Criminologist non-jubilee reflections on the implementation of certain provisions of the Constitution of the Russian Federation // Legal Gazette DSU. 2013. No. 4. P. 15—17.

2. Luneev V. V. Crime XX century. World, regional and Russian trends. Ed. 2nd. Moscow: Volters Kluver, 2005. 912 p.

3. Savyuk L. V. Legal statistics. Moscow: Yurist, 1999. 588 p.

4. Kvashis V. E. Comparative analysis of latent crime in Russia and foreign countries: problems and prospects // Journal of foreign legislation and comparative law. 2016. No. 5. P. 89—93.

5. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 13, 2010 No. 222P10. Access from the legal system «ConsultantPlus».

6. Theoretical foundations of research and analysis of latent crime: a monograph / ed. S. M. Inshakov. Moscow: UNITY-DANA: Law and Law, 2012. 839 p.

7. Zerenkov E. V. Criminally-legal and criminological aspects of bribery and coercion to perjury and evasion from testifying: dis. ... cand. legal sciences. Stavropol: Stavropol State University, 1999. 157 p.

8. Gorelik A. S., Lobanova L. V. Crimes against justice. Saint-Petersburg: Legal Center Press, 2005. 491 p.

9. Imamutdinov A. F. Threat or violence in connection with the administration of justice or the conduct of a preliminary investigation: criminal law and criminological aspects: dis. ... cand. legal sciences. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 2010. 242 p.

10. Radchenko A. A. Criminal encroachment on participants in the process of proof: problems of qualification and legislative regulation: author. dis. ... cand. legal sciences.

10. Радченко А. А. Преступные посягательства на участников процесса доказывания: проблемы квалификации и законодательной регламентации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток: Дальневосточный гос. ун-т, 2010. 27 с.

11. Терехова Е. Н. Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011. 26 с.

12. Уголовное дело № 049327 // Архив прокуратуры Красноармейского района г. Волгограда.

13. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2011 г. № 4-О11-57. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Намнясева В. В., 2018

Vladivostok: Far East State University, 2010. 27 p.

11. Terekhova E. N. Criminal law protection of life and health of persons administering justice or preliminary investigation: author. dis. ... cand. legal sciences. Moscow: Academy General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2011. 26 p.

12. Criminal Case No. 049327 // Archive of the Prosecutor's Office of Krasnoarmeysky District of the city of Volgograd.

13. The cassation definition of the Supreme Court of the Russian Federation of April 18, 2011 No. 4-O11-57. Access from the legal system «ConsultantPlus».

© Namnyaseva V. V., 2018